

УДК 159.922

DOI: 10.23951/2307-6127-2019-6-227-233

СТРУКТУРА ЦЕННОСТЕЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ У БЕЗРАБОТНЫХ (ЭТНОКУЛЬТУРАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ)

Ю. В. Овчинникова, А. В. Гычев

Томский государственный педагогический университет, Томск

Актуальность исследования определяется необходимостью изучения адаптивных возможностей человека в совладании с ситуацией вынужденной незанятости, которая представляет угрозу психологическому здоровью личности и снижает качество жизни. В исследовании проверялась гипотеза этноспецифичности реализации ценностей и механизмов психологической защиты в ситуации вынужденной незанятости в Бурятии на полиэтнической выборке (русские, буряты). Было показано отсутствие этнических различий в приоритетах ценностей «счастливая семейная жизнь» и «материально-обеспеченная жизнь». Также буряты отмечают значимость такой ценности, как «здоровье (физическое и психическое)». Наименее доступной ценностью для русских и бурят является «интересная работа», а у бурят еще и «материально-обеспеченная жизнь (отсутствие материальных затруднений)», что наиболее полно отражает ситуацию безработицы. У всех безработных выражены такие механизмы психологической защиты, как «реактивное образование» и «отрицание». В группе русских также можно выделить такие механизмы, как «замещение», «регрессия» и «компенсация». Значимых этнических различий по показателям выраженности психологических защит в группах не выявлено, но по результатам сравнения средних значений можно отметить более высокую напряженность в группе русских. Показаны этноспецифичные взаимосвязи между структурой ценностей и психологическими защитами.

Ключевые слова: *ценностная сфера личности, механизмы психологической защиты, безработица как социально-экономическое неблагополучие, этнокультуральные особенности.*

Безработица рассматривается исследователями как трудная жизненная ситуация, требующая от индивида таких действий и условий, которые находятся на границе его адаптивных возможностей или превосходят его резервы [1]. Психологические защитные механизмы необходимы для устранения (минимизации) негативных, травмирующих переживаний, связанных с внутренними или внешними конфликтами, состояниями тревоги или дискомфорта, сопровождающими ситуацию вынужденной незанятости [2]. Действие защитных механизмов направлено на сохранение стабильности представлений человека о себе и его образа мира [3]. Согласно современным представлениям, образ мира рассматривается как интегральная система значений человека, включающая в свою структуру три слоя, представленных разнородными смысловыми образованиями [4, 5]. Перцептивный слой образа мира включает в себя характеристики объектов, связанные с их протяженностью во времени. Семантический слой представлен амодальными признаками, изучаемыми с помощью семантических методов. Ядерный слой (в узком смысле – «образ мира») характеризуется как целемотивационный комплекс (мотивация, принципы и критерии отношений, основы эталонных систем).

Исследователи отмечают, что система ценностных ориентаций, образующих ядерный слой образа мира, может подвергаться качественным изменениям, что позволяет личности

адаптироваться к трансформации условий жизни [6, 7]; в частности, это касается кризисных жизненных ситуаций, к которым относится ненормативный кризис профессионального становления [8, 9] – ситуация вынужденной «незанятости» (безработица) [10]. Вследствие этого нарушается стабильность и гармоничность образа мира в целом [6], что, по нашим представлениям, отражается на выраженности механизмов психологической защиты личности.

Этнические особенности использования защитных механизмов представляют как теоретический, так и практический интерес для современной психологической науки: феномен этнопсихологической защиты открывает широкие возможности для исследования природы формирования этноса и этнических особенностей людей, характера межэтнических отношений.

В психоаналитических исследованиях показано, что каждая этнокультуральная общность в этногенезе создает уникальную, только ей присущую совокупность защитных стратегий и совладающих механизмов, которые становятся сущностными характеристиками этноса и реплицируют архетипические составляющие культурного кода [11]. G. Devereux определяет этническое бессознательное как часть бессознательного сегмента психики индивида, общую с другими членами его культурной общины, состоящее из материала, который каждое новое поколение учится репрессировать в соответствии с требованием преобладающих культурных образцов [11]. Таким образом, необходимо отметить, что защитные механизмы, оказавшись эффективными, закрепляются в памяти людей и культуре (традиции, ритуалы и т. п.), а их воспроизводство обеспечивает защиту и адаптацию этноса в сходных проблемных ситуациях. Подобные комбинации становятся устойчивыми блоками этнического характера, и поэтому их раскрытие и описание могут стать вкладом в этническую характерологию.

Исследования С. В. Лурье, А. А. Налчаджяна являются первыми в области изучения психологической защиты этноса [12, 13]. А. А. Налчаджян изучает психологические защитные механизмы применительно к этническим группам [13], что отличает его подход от распространенного ранее индивидуально ориентированного подхода. На этническом уровне психологическая защита рассматривается автором как компромиссный способ преодоления расхождения между этнической картиной мира и реальностью. В качестве психологической защиты А. А. Налчаджян определяет совокупность когнитивных и поведенческих стратегий совладания со страхом, тревогой и иными проявлениями эмоционального дисбаланса, выделяя при этом этнические и личностные защитные механизмы [13]. Этнические защиты при этом подразделяются автором на два уровня: глобальный и специфический. На глобальном уровне защитные стратегии реализуются посредством этнокультурных практик (этнические ритуалы, традиции, мифология). Специфический уровень реализуется посредством специальных защитных механизмов и их комплексов.

Мы предполагаем, что более отчетливо этнические особенности психологических защитных механизмов будут проявляться в таких социально-стрессовых ситуациях, как вынужденная незанятость.

Цель исследования – изучение структуры ценностей и выраженности психологических защитных механизмов у безработных Республики Бурятия.

Выборку исследования составил 71 безработный с разной длительностью периода незанятости, состоящий на учете в Федеральной службе занятости г. Улан-Удэ Республики Бурятия. Национальный состав: буряты (37 человек (52,1 %), из них 31 женщина (83,8 %) и 6 мужчин (16,2 %)); русские (34 человека (47,9 %), из них 25 женщин (73,5 %) и 9 мужчин (26,5 %)). Средний возраст обследованных бурятов 36 лет, русских – 34 года.

Результаты исследования ценностной сферы личности с использованием методики «Уровень соотношения „ценности“ и „доступности“ в различных жизненных сферах» (Е. Б. Фанталова) [14] представлены в табл. 1.

Таблица 1

Средние значения показателей значимости и доступности ценностей у безработных (в баллах)

Ценности	Буряты		Русские	
	Значимость	Доступность	Значимость	Доступность
1. Активная деятельная жизнь	3,13±2,20	4,3±2,32	2,21±2,22	4,50±3,11
2. Здоровье	7,11±2,97	5,22±2,93	5,57±3,94	4,50±3,25
3. Интересная работа	6,05±2,12	1,86±2,12	6,00±2,80	1,93±2,27
4. Красота природы и искусства	1,59±1,5	4,05±2,39	1,79±1,63	3,71±2,67
5. Любовь	6,38±3,2	5,62±3,43	5,86±2,35	3,93±2,56
6. Материально-обеспеченная жизнь	7,24±2,58	3,24±3,03	7,57±2,77	3,50±2,77
7. Наличие хороших и верных друзей	6,19±2,55	7,08±2,55	5,79±1,53	7,00±2,11
8. Уверенность в себе	6,11±1,93	6,11±2,66	6,79±1,48	5,36±2,13
9. Познание	5,24±2,36	5,32±2,72	5,29±1,90	4,50±3,63
10. Свобода	5,70±2,93	7,13±2,53	6,14±2,41	6,64±2,71
11. Счастливая семейная жизнь	9,97±1,24	8,08±3,38	8,71±2,33	7,21±3,75
12. Творчество	3,16±2,53	3,57±3,00	2,79±2,72	2,07±1,98

Наибольшую значимость в обеих группах имеют ценности «счастливая семейная жизнь» и «материально-обеспеченная жизнь». Также буряты отмечают значимость такой ценности, как «здоровье (физическое и психическое)». Наименее доступной ценностью в группах является «интересная работа», а у бурят еще и «материально-обеспеченная жизнь (отсутствие материальных затруднений)», что наиболее полно отражает ситуацию вынужденной незанятости, в которой находятся обследованные.

Значение суммарного показателя (R) ценностной дезинтеграции в группе бурят: $R = 33,38 \pm 12,31$; в группе русских: $R = 31,79 \pm 10,21$. Данное значение соответствует низкому уровню дезинтеграции в мотивационно-личностной сфере и в целом свидетельствует о том, что желания и потребности обследованных в основном удовлетворены.

Для определения преобладающих стилей психологических защит у безработных оптимальным представляется использование опросника «Индекс жизненного стиля» («Life style index», R. Plutchik и N. Kellerman, адаптация Е. Б. Клубовой) [15]. Опросник состоит из 97 утверждений, измеряющих 8 видов психологической защиты: отрицание, вытеснение, регрессию, компенсацию, проекцию, замещение, интеллектуализацию, реактивное образование. В табл. 2 представлены стили психологических защит у безработных.

Таблица 2

Выраженность психологических защит у безработных (в баллах)

Механизм психологической защиты	Буряты	Русские
Отрицание	48,92±16,38	48,43±26,28
Вытеснение	36,46±23,79	41,57±26,73
Регрессия	39,46±28,77	46,93±31,89
Компенсация	40,78±24,96	45,43±21,89
Проекция	33,89±23,16	34,71±23,29
Замещение	39,89±23,09	48,14±29,18
Интеллектуализация (рационализация)	40,70±24,05	32,14±22,48
Реактивное образование	59,46±28,44	62,43±37,59

У всех безработных ярко выражены такие механизмы психологической защиты, как «реактивное образование» и «отрицание». В группе русских также можно выделить такие

механизмы, как «замещение», «регрессия» и «компенсация». Значимых различий по показателям выраженности психологических защит в группах не выявлено ($p < 0,05$, использовался U-критерий Манна – Уитни), но по результатам сравнения средних значений можно отметить более высокую напряженность в группе русских.

В результате корреляционного анализа ($p < 0,05$, использовался критерий Спирмена) в группах безработных выявлены взаимосвязи между показателями значимости и доступности ценностей и выраженностью механизмов психологической защиты. Остановимся на характеристике следующих значимых взаимосвязей.

Так, у бурят отмечена позитивная связь между защитным механизмом «замещение» и значимостью активной и деятельной жизни ($r = 0,33$). Замещение проявляется в разрядке подавленных эмоций (как правило, враждебности, гнева) с помощью направления на объекты, представляющие меньшую опасность или более доступные, чем те, что вызвали отрицательные эмоции или чувства. Возможно, безработные начинают вести более активную и деятельную жизнь, чем ранее, таким образом пытаясь выразить подавленные негативные эмоции приемлемым способом.

Также в группе безработных бурят выявлена позитивная связь доступности ценности «красота природы и искусства» и интеллектуализации (рационализации) ($r = 0,33$). Используя интеллектуализацию, личность пресекает переживания, вызванные субъективно неприемлемой ситуацией, при помощи логических установок и манипуляций. Возможно, что среди когнитивных конструкций у бурят существенное значение имеют глубинные эстетические ценности.

В группе русских существует отрицательная связь механизма проекции со значимостью таких ценностей, как «активная и деятельная жизнь» ($r = -0,61$), «любовь» ($r = -0,68$), и доступностью ценности «здоровье» ($r = -0,54$). В основе проекции лежит процесс, посредством которого неосознаваемые и неприемлемые для личности чувства и мысли приписываются другим людям. Можно предположить, что чем чаще личностью используется данный механизм, ведущий к накоплению внутреннего напряжения, тем менее значимыми становятся любовь и активная деятельная жизнь, ухудшается состояние здоровья. Относительно доступности ценности здоровья также необходимо отметить, что она отрицательно связана с механизмом «отрицание», посредством которого личность либо отрицает некоторые вызывающие тревогу обстоятельства, либо отрицается какой-либо внутренний импульс или сторона самого себя. Таким образом, чем больше выраженность отрицания, тем более отчетливо проявляются проблемы со здоровьем, которые не связываются личностью с актуальным психологическим состоянием и при определенных условиях приобретают клиническое звучание [2].

У русских существует позитивная связь механизма «вытеснение» и значимости ценности материально-обеспеченной жизни ($r = 0,62$). Посредством вытеснения неприемлемые для личности желания, мысли, чувства, вызывающие тревогу, становятся бессознательными. Можно предположить, что ситуация вынужденной незанятости, характеризующаяся в том числе и наличием материальных затруднений, с которыми безработный сталкивается в повседневной жизни, побуждает его приспособляться к ним, «жить по средствам» (на пособие, которое соответствует уровню МРОТ), вместо того, чтобы становиться активным субъектом труда (например, самостоятельно трудоустроиться).

Таким образом, нами были рассмотрены этнокультуральные особенности структуры ценностей и механизмов психологической защиты безработных Республики Бурятия. Было выявлено, что общими для безработных значимыми ценностями являются «счастливая семейная жизнь» и «материально-обеспеченная жизнь». Буряты также отмечают значимость

ценности «здоровье». Наименее доступной ценностью в группах является «интересная работа», а кроме этого у бурят – «материально-обеспеченная жизнь». Анализ расхождений между «ценностью» и «доступностью» позволил выявить внутренние конфликты у безработных в таких сферах, как «интересная работа» и «материально-обеспеченная жизнь», что также отражает ситуативные характеристики безработицы и не зависит от этнокультуральных особенностей. Значимых различий по показателям выраженности психологических защит в группах также не выявлено ($p < 0,05$).

Список литературы

1. Анцыферова Л. И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психол. журнал. 1994. Т. 15, № 1. С. 102–115.
2. Гычев А. В., Рахмазова Л. Д., Кононова М. Е. Психическое здоровье и безработица: социокультуральные аспекты причинно-следственных соотношений // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2006. № 3 (42). С. 88–90.
3. Иванова Т. Ю., Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Функции личностных ресурсов в ситуации экономического кризиса // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 13, № 2. С. 323–346. DOI: 10.17323/1813-8918-2016-2-323-346
4. Артемьева Е. Ю., Стрелков Ю. К., Серкин В. П. Описание структур субъективного опыта // Мышление. Общение. Опыт. Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 1983. С. 99–108.
5. Серкин В. П. Изменения образа мира и образа жизни при переживании экстремальной ситуации // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности: сб. науч. ст. 2-й Межрегиональной научно-практ. конф. с междунар. участием / под ред. Р. В. Кадырова. Владивосток: Тихоокеанский гос. мед. ун-т, 2013. С. 77–87.
6. Серый А. В., Яницкий М. С., Семенова М. Б. Трансформация системы личностных смыслов в ситуации вынужденной потери работы // Психология в экономике и управлении. 2012. № 2. С. 38–43.
7. Федотова В. А. Ценности россиян в контексте межпоколенных отношений // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2017. Т. 14, № 4. С. 717–734. DOI: 10.17323/1813-8918-2017-4-717-734
8. Зеер Э. Ф. Психология профессионального развития. М.: Академия, 2009. 240 с.
9. Дёмин А. Н. «Кризисная» интерпретация трудовой занятости человека // Социальная психология труда: Теория и практика / отв. ред. А. Л. Журавлев, Л. Г. Дикая. М.: Ин-т психологии РАН, 2010. Т. 2. С. 169–179.
10. Овчинникова Ю. В. Образ мира личности на разных этапах личностно-профессионального становления: дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2016. 150 с.
11. Devereux G. Ethnopschoanalysis: Psychoanalysis and Anthropology as Complementary Frames of Reference. Berkeley: University of California Press, 1978.
12. Lourie S. V. The Revival of Psychological Anthropology: a New Understanding of Interrelation Between Cultural and Psychological By Virtue of Cognitive Anthropology and Cultural Psychology // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2017. Is. 7 (10). P. 970–982. DOI: 10.17516/1997-1370-0106
13. Налчаджян А. А. Этнопсихология. СПб.: Питер, 2004. 381 с.
14. Фанталова Е. Б. Диагностика и психотерапия внутреннего конфликта. Самара: БАХРАХ-М, 2001. 128 с.
15. Вассерман Л. И., Ерышев О. Ф., Клубова Е. Б. Психологическая диагностика индекса жизненного стиля. СПб.: СПб-НИПНИ им. В. М. Бехтерева, 2005. 50 с.

Овчинникова Юлия Валерьевна, кандидат психологических наук, доцент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).
E-mail: julia.ovchinnikova.tomsk@gmail.com

Гычев Александр Витальевич, доктор медицинских наук, профессор, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).
E-mail: gichev64@mail.ru

Материал поступил в редакцию 30.08.2019

DOI: 10.23951/2307-6127-2019-6-227-233

STRUCTURE OF VALUES AND PSYCHOLOGICAL DEFENSE MECHANISMS AMONG UNEMPLOYED BURYATS

Y. V. Ovchinnikova, A. V. Gychev

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

The relevance of the study determined by the need to study the adaptive capabilities of a person in coping with the situation of forced unemployment, which poses a threat to the psychological health of the individual and reduces the quality of life. The study tested the hypothesis of ethnospecificity of the realization of values and psychological defense mechanisms in a situation of forced unemployment in Buryatia on a multi-ethnic sample (Russians, Buryats). The absence of ethnic differences in the priorities of the values of a “happy family life” and “financially secure life” shown. Buryats also note the importance of such values as “health (physical and mental)”. The least accessible value for Russians and Buryats is “interesting work”, while the Buryats also have “financially secure life (absence of material difficulties)” which most fully reflects the situation of unemployment. All the unemployed expressed such psychological defense mechanisms as “reactive education” and “denial”. In the Russian group, it is also possible to distinguish such mechanisms as “substitution”, “regression” and “compensation”. There were no significant ethnic differences in the severity of psychological defenses in the groups, but by comparing the mean values, higher tensions in the Russian group noted. The ethnospecific interrelations between the structure of values and psychological defenses were shown.

Keywords: *value orientations, psychological defense mechanisms, unemployment as a socio-economic disadvantage, ethnocultural features.*

References

1. Antsyferova L. I. Lichnost' v trudnykh zhiznennykh usloviyakh: pereosmysleniye, preobrazovaniye situatsiy i psikhologicheskaya zashchita [Personality in difficult living conditions: rethinking, transforming situations and psychological defense]. *Psikhologicheskii zhurnal – Psychological Journal*, 1994, vol. 15, no. 1, pp. 102–115 (in Russian).
2. Gychev A. V., Rakhmazova L. D., Kononova M. E. Psikhicheskoye zdorov'e i bezrabotitsa: sotsiokul'tural'nye aspekty prichinno-sledstvennykh sootnosheniy [Mental health and unemployment: social-cultural aspects of cause-and-effect correlations]. *Sibirskiy vestnik psikhologii i narkologii – Siberian Herald of Psychiatry and Addiction Psychiatry*, 2006, no. 3 (42), pp. 88–90 (in Russian).
3. Ivanova T. Yu., Leont'ev D. A., Rasskazova E. I. Funktsii lichnostnykh resursov v situatsii ekonomicheskogo krizisa [Functions of personality resources in a situation of economic crisis]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2016, vol. 13, no. 2, pp. 323–346 (in Russian). DOI: 10.17323/1813-8918-2016-2-323-346
4. Artem'eva E. Yu., Strelkov Yu. K., Serkin V. P. Opisaniye struktur sub"ektivnogo opyta [Description of the structures of subjective experience]. *Myshleniye. Obshcheniye. Opyt* [Thinking. Communication. Experience]. Yaroslavl', Yaroslavl State University Publ., 1983, pp. 99–108 (in Russian).
5. Serkin V. P. Izmeneniya obraza mira, obraza zhizni i predstavleniy o sebe pri perezhivanii ekstremal'noy situatsii: novye empiricheskiye dannye i rekomendatsii [Changes in the image of the world, lifestyles and beliefs about oneself in an extreme situation: New empirical evidence and recommendations]. *Lichnost' v ekstremal'nykh usloviyakh krizisnykh situatsiyakh zhiznedeyatel'nosti: sb. nauch. st. 2 Mezhhregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem*. Pod red. R. V. Kadyrova [Personality in extreme conditions and crisis situations of life: Collection of scientific articles. 2nd Interregional Scientific and Practical Conference with International Participation. Ed. R. V. Kadyrov]. Vladivostok, PSMU Publ., 2013. Pp. 77–87 (in Russian).
6. Seryy A. V., Yanitskiy M. S., Semenova M. B. Transformatsiya sistemy lichnostnykh smyslov v situatsii vyzhdennoy poteri raboty [Transformation of system of personal senses in the situation of the compelled loss of work]. *Psikhologiya v ekonomike i upravlenii – Psychology in Economics and Management*, 2012, no. 2, pp. 38–43 (in Russian).

7. Fedotova V. A. Tsennosti rossiyan v kontekste mezhpokolennykh otnosheniy [Individual values as predictors of positive or negative attitudes towards innovation among representatives of various generations of Russian people]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2017, vol. 14, no. 4, pp. 717–734 (in Russian). DOI: 10.17323/1813-8918-2017-4-717-734
8. Zeyer E. F. *Psikhologiya professional'nogo razvitiya* [Professional development psychology]. Moscow, Akademiya Publ., 2009. 240 p. (in Russian).
9. Demin A. N. "Krizisnaya" interpretatsiya trudovoy zanyatosti cheloveka [A "crisis" interpretation of human labor employment]. In: Zhuravlev A. L. & Dikaya L. G. (eds) *Sotsial'naya psikhologiya truda: Teoriya i praktika* [Social Psychology: Theory and Practice]. 2010, vol. 2. Moscow, Institute of Psychology RAS Publ., Pp. 169–179 (in Russian).
10. Ovchinnikova Yu. V. *Obraz mira lichnosti na raznykh etapakh lichnostno-professional'nogo stanovleniya. Dis. kand. psikhol. nauk* [The world image on the process of personal and professional formation. Diss. cand. psychol. sci.]. Tomsk, 2016. 150 p. (in Russian).
11. Devereux G. *Ethnopsichoanalysis: Psychoanalysis and Anthropology as Complementary Frames of Reference*. Berkeley, University of California Press, 1978.
12. Lourie S. V. The Revival of Psychological Anthropology: a New Understanding of Interrelation between Cultural and Psychological by Virtue of Cognitive Anthropology and Cultural Psychology. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2017, iss. 7 (10), pp. 970–982. DOI 10.17516/1997-1370-0106
13. Nalchadzhyan A. A. *Etnopsikhologiya* [Ethnopsychology]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2004. 381 p. (in Russian).
14. Fantalova E. B. *Diagnostika i psikhoterapiya vnutrennego konflikta* [Diagnosis and Psychotherapy of Internal Conflict]. Samara, BAKhRAKh-M Publ., 2001. 128 p. (in Russian).
15. Vasserman L. I., Eryshev O. F., Klubova E. B. *Psikhologicheskaya diagnostika indeksa zhiznennogo stilya* [Psychological Diagnosis of the Lifestyle Index]. Saint Petersburg, Bekhterev Psychoneurological Institute Publ., 2005. 50 p. (in Russian).

Ovchinnikova Y. V., Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061). E-mail: julia.ovchinnikova.tomsk@gmail.com

Gychev A. V., Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061). E-mail: gichev64@mail.ru